

DOI: 10.12731/2070-7568-2016-2-23-34
УДК 34 (517.3)

РЕГУЛИРОВАНИЕ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОНГОЛИИ

Дугарова С.Ж.

Антрополого-правовые исследования института брака и семьи, обращенные к вопросу об источниках и форме брачно-семейного права, характеризуются противоречивыми выводами. В научной литературе споры между учеными разрешаются уточнением их взглядов на теорию обычного права.

В статье анализируется институт брака и семьи по обычному праву средневековой Монголии. В традиционном монгольском обществе устные нормы обычного права, определявшие основы социального устройства, отражавшие мировоззренческие устои кочевников, не подвергались изменениям даже в эпоху больших перемен. Обычное право монголов, регулировавшее важную сферу общества – брачно-семейные отношения, ревностно оберегалось обществом и государством. Письменная фиксация брачно-семейных норм в средневековом монгольском законодательстве была вызвана исключительными обстоятельствами. Властные веления кочевого государства имели целью либо закрепить социальные преобразования в обществе в интересах государства, либо отстаивать социальные ценности, которые в новых условиях девальвировались.

Проведенный анализ позволил сделать вывод о закономерностях и особенностях эволюции института брака и семьи по обычному праву монголов как составной части права и правовой системы монгольского государства.

Цель – анализ института брака и семьи в средневековом монгольском обществе по обычному праву монголов.

Методология: сопоставительный метод, догматический метод (анalogии, анализа, синтеза).

Результаты: дана характеристика степени разработанности и обоснованности выдвигаемых в научной литературе положений по вопросам истории брачно-семейного права средневековой Монголии.

Область применения результатов: полученные результаты могут быть использованы при подготовке обобщающих трудов по истории кочевых народов, по истории монгольского государства и права.

Ключевые слова: обычное право; институт брака; семья; средневековая Монголия.

THE REGULATION OF MARRIAGE AND FAMILY RELATIONS IN MEDIEVAL MONGOLIA

Dugarova S. Zh.

Legal anthropology studies of the institution of marriage and family focusing on sources and form of matrimonial law have featured conflicting conclusions. In scientific literature the disputes among researchers are settled by defining one's views on the theory of customary law. The article contains analysis of institution of marriage and family under customary law of medieval Mongolia. In traditional Mongolian society the oral rules of customary law that defined the foundations of social order and reflected the nomads' world view were never altered, even in the era of big changes. Customary law that regulated such an important part of society as matrimonial relations was eagerly protected by society and the state. Written records of matrimonial norms were caused by exceptional circumstances. Dictations of the nomadic state were intended whether to anchor social reformations for the benefit of the state or to defend the social values depreciated by new environment. The analysis

allowed to conclude consistency and features peculiar to marriage and family evolution under Mongolian customary law as part of law and the legal system of the Mongolian state.

Purpose: to analyze the institution of marriage and family of medieval Mongolia under Mongolian customary law.

Methodology: the comparative method, the dogmatic method: analogy, analysis, synthesis.

Results: the characteristics of the development and validity degree of statements on the history of marriage and family law of medieval Mongolia put forward in the scientific literature.

Application of results: the results obtained can be used in the preparation of general works on the history of nomadic nations and the history of the Mongolian state and law.

Keywords: *customary law; institution of marriage; family; medieval Mongolia.*

Основным источником брачно-семейного права в монгольском средневековом обществе был правовой обычай. Обычное право, согласно сложившемуся в научной литературе мнению, устанавливало порядок, условия заключения и расторжения брака, регулировало личные и имущественные отношения супругов, родителей и детей, положение родственников, определяло основания и степень ответственности за нарушение норм брачно-семейного права. Вместе с тем данный постулат требует в свете новых исследований принципиальных пояснений.

Общеизвестно, что брачно-семейное право, как совокупность правовых норм, регулирующих права и обязанности мужчины и женщины, вступивших в брачные отношения, образовавших семью, с целью рождения и воспитания детей, являются наиболее древними социальными нормами. Брачно-семейное право носит значимый в целом для права характер, именно нормы данной отрасли права дают объективную характеристику юридического быта традиционного общества. На наш взгляд определение брачно-се-

мейных норм периода средневековья как норм обычного права, верно. При этом в современной науке нет единства среди ученых по вопросу о сущности обычного права, отдельные авторы не признают одинаковую юридическую силу норм обычного права и норм законодательства. Выводы исследователей института брака и семьи отличаются противоречивостью [9, с. 6]. Споры между исследователями во многом разрешаются уточнением их взглядов на теорию обычного права. Если советская школа права определяла обычное право как доправовой феномен, как совокупность санкционированных государством обычаев, то в настоящее время в новейших антропологических исследованиях обычное право признано правовым явлением. В современной юридической научной и учебной литературе обычное право определяется одним из важнейших источников или форм права [3, с. 43]. В отличие от нормативно-правового акта, в форме которого облекается воля законодателя, и закрепляются изменения в содержание нормы права, обычное право формируется общественной практикой и фиксируется в законодательстве как общеизвестное, в силу чего общеобязательное правило.

В средневековой Монголии нормы, регулировавшие брачно-семейные отношения с древнейших времен, определявшие основы кочевого общества не были облечены в письменную форму. Традиции были очень крепкими, такие нормы отличались своей статичностью, находились под властной опекой государства, оберегались самим обществом [2, с. 102]. Этим объясняется политика невмешательства монгольских хаганов в сферу брачно-семейных отношений не только в своем отечестве, но и в чужих завоеванных кочевниками землях. Брачно-семейные правила существуют как устная традиция, уходящая очень глубоко в обыденное сознание народа, отражает его мировоззренческие основы, устои социального бытия, потому сохраняли свойство неизменности даже в эпоху перемен. Письменное закрепление с целью принудительного изменения традиционных норм становится необходимостью в результате объективного развития общества. Поэтому в средневековом монгольском законодательстве присутствие брачно-семейных норм вызвано такими особыми обстоятельствами. Прин-

ципиально важно осознавать, что хаганы, олицетворявшие верховную власть в кочевом государстве, реализуя законодательную функцию, вносят изменения в содержание норм обычного права для социальных преобразований в интересах государства, а иногда, как явствуют источники, стремясь отстоять вековые социальные традиции, которые в новых исторических условиях обесценивались. Приведем соответствующие примеры, которые демонстрируют такой смысловой ряд правотворческих нововведений.

Так, следует признать новеллой в правовом регулировании имущественных отношений норму «Их цааз», монголо-ойратского уложения, датированного 1640 годом об обязанности отца совершить выдел в отношении совершеннолетнего сына [11, с. 16]. В данном случае изменения в обычном праве продиктованы фискальными интересами государства, имели целью ускорить процесс разрушения патриархальной семьи. Такой же новеллой в обычном праве является законодательное установление размера калыма, который должен быть уплачен в случае сватовства девицы из знаменитого рода.

Летописные источники содержат сведения о таких особенностях брачно-семейных отношений монголов как многоженство, экзогамия, свидетельствуют и о положении жен в семье, об их взаимоотношениях с родственниками мужа, о положении наложниц, судьбе внебрачных, усыновленных и удочеренных детей. Летописи свидетельствуют о праве хагана и нойонов распоряжаться брачной судьбой женщин, выдавая их замуж в чужой род, с целью установления особых отношений, обязанности зависимых людей ежегодно показывать своих дочерей своим повелителям [5, с. 215].

Отдельные институты брачно-семейного права монголов, получившие отражение в «Сокровенном сказании монголов» стали объектом исследования ученых, которые в результате острых дискуссий пришли к разным выводам. Например, похищение (умыкание) невесты, известный монголам с древних времен как способ заключения брака, русским цивилистом В.А. Рязановским определяется как условие перехода от группового брака к индивидуальному обладанию [6, с. 11]. Это заключение сделано ученым в соответствии с распространенной в начале XX века теории, согласно ко-

торой первоначально в обществе складывается групповой брак, который со временем уступает место моногамному браку, с повсеместным распространением церковной организации и миссионерства, норм канонического права. Считалось, что в эпоху родового строя брак был групповым, то есть всем братьям принадлежат их общие жены [10, с. 32]. В основу таких представлений, первоначально выдвинутых, в том числе, Ф. Энгельсом, были положены исследования Л.Г. Моргана о системе родства североамериканских индейцев, в частности о том, что дети в индейских племенах называют матерью не только родившую их женщину, но всех женщин, которые состоят в браке с братьями их отцов [4, с. 92].

Отметим, что в свете современных исследований, учеными дается иное объяснение происхождения института похищения невесты. Следует согласиться с выводами исследователей о том, что брак с самого начала социального развития существовал как строгая моногамия. А в условиях господства родового строя основывался на браке по обмену, то есть по существу являлся кроскузенным браком, когда брак заключался с представителем строго определенной родовой общины, составлявшей вместе с общиной жениха дуальную организацию. На начальных этапах разложения дуальной родовой организации и создания фратрий, брак по обмену постепенно вытесняется браком по договору. Суть калымного брака первоначально заключалась в необходимости уплаты компенсации за отказ дуальной общины от мести, а сам обряд принимал форму псевдоумыкания невесты. Безусловно, это отражало фактические события, которые впоследствии закреплялись как формы, так называемого явления нормативности сущего [8, с. 90]. В «Сокровенном сказании монголов» много сведений, отражающих переходную форму от кроскузенного брака к калымному браку, которые ждут теоретического анализа [13, с. 1347]. Таким образом, распространенное ранее в науке суждение о браке - похищении невесты, как о переходной форме от группового брака к моногамному, следует признать несостоятельным.

Требует пояснения утверждение П. Рачневского об отсутствии у монголов в рассматриваемый период времени правовых норм о браке и семье.

П. Рачневский, говоря об отсутствии писаных законов о браке и семье, не рассматривает обычное право монголов как правовой феномен, с равной силой законодательного акта [14, с. 471–487].

Монгольские исследователи отмечают, что был известен обычай преподносить свою дочь или жену в дар [6, с. 169]. Рассматривая этот обычай, нужно иметь в виду, что в дар своих детей и принадлежавших им жен, преподносили только зависимые люди и только владельческим персонам, в надежде на какие-то не известные нам преференции. Эти сведения отражают, безусловно, зависимые или неравные отношения людей, то есть произвол, но не право. В.А. Рязановский, ссылаясь на сведения Макризи, обращал внимание на норму, определяя ее как статью Великой Ясы, об обязанности подвластных людей ежегодно приводить дочерей на показы нойонам [7, с. 52]. Следует отметить, что данная норма также отражает содержание зависимых сеньоральных отношений.

Некоторые авторы обращают внимание на сведения, почерпнутые из «Сборника летописей» о расправе Угэдэй-хана, учиненной над ойратскими племенами за их своеволие. Ойраты установили на территории собственных аймаков порядок, согласно которому выдавали дочерей замуж только за жителей данного аймака. Это стало известно Угэдэй-хану, который дал указание проверить данный факт. После хаган издал указ, предписывавший собрать всех женщин ойратских аймаков, старше 7 лет, выданных ранее замуж. Во исполнение указа хагана всего собрали более четырех тысяч девочек, из числа которых дочерей зависимых людей по приказу хана вернули мужчинам данной земли. Оставшихся женщин высокого происхождения, разделили на две группы по возрастному критерию, взрослых отправили во дворец хана. Часть женщин была отдана охотникам, простым жителям, дворцовым слугам. При этом отцы, братья, мужья не могли противиться решению хана и оставались лишь молчаливыми свидетелями исполнения приказа хана [5, с. 93–94]. По указу хана брачный возраст для женщин устанавливался в 7 лет, по достижении которого можно было выдавать замуж. Браки, противные указам хагана, признавались не действительными.

В приведенном фрагменте отметим следующие моменты. Первый, основной брака у монголов, как у всех кочевников, была строгая экзогамия, по монгольским традициям выдавать замуж девицу можно только в чужой род. Внутриродовые браки повсеместно рассматривались как нарушение основополагающего принципа института брака. Именно поэтому монголы обязывали каждого человека знать свою родословную до девятой степени. В случае бракосочетания людей, состоявших в родстве (до 7 колена), брак признавался недействительным. Гипотеза о суровых последствиях за нарушение экзогамии подтверждается приведенными выше отрывками из Сборника летописей Рашид-ад-Дина. Этим объясняется унижительное согласие ойратов с возмездием, обрушившимся на них по указу Угэдэй хана. Второй момент, что дочерей зависимых людей вернули ойратам, а собственных детей ойратов, в назидание подвергли неслыханному унижению. Можно предположить, что суть преподнесенного ойратам урока, заключался в том, что ни один из народов не мог считать себя выше или исключительней других, что могло быть выражено в запрете вступать в брак.

Всеми без исключения исследователями отмечается полигамный характер брака [8, с. 95]. Большинство из них рассматривают полигамию, как традиционный институт семейного права [15, pp. 87–89]. Возражая данному утверждению, заметим, что обычное право монголов всеми своими специфическими средствами правового регулирования стоит на защите моногамии. Муж имел право жениться во второй раз только при условии отсутствия детей либо при рождении только дочерей. Обычное право в случае бездетности признавало право мужа взять и третью жену. При этом обычное право запрещало вступать в брак более трех, если даже не было детей и в третьем браке, что свидетельствует о неодобрении обществом факта многоженства. Однако право мужчины взять вторую жену при условии бездетности, указывает на то, что целью брака являлось рождение и воспитание детей. Обращает внимание норма обычного права монголов, запрещавшая расторжение брака даже, если брак, «не достиг своей цели». Свидетельством о моногамности брака у монго-

лов, является норма, не допускавшая совместное проживание жен. Каждая из жен имела собственный дом, зависимых людей, вела обособленное хозяйство, что естественным образом ограничивало субъектов, которые жили в условиях многоженства. Право на многоженство касалось только феодалов, людей обладавших имуществом достаточным для того, чтобы содержать несколько домов, имели множество зависимых людей, которые ухаживали за его стадами, разделенными на несколько хозяйств. Вместе с тем, нормы Великой Ясы определяли одну из жен старшей или главной. Нормы обычного права позволяют точно определить, что значение старшей или главной жены означало право ее детей наследовать отцовское имущество на законных основаниях. Дети младших жен получали право на долю только в случае прямого волеизъявления отца. В противном случае они оставались практически не защищенными ни обычным правом, ни законами. Системное толкование брачно-семейных норм ясно указывает, что институт многоженства чаще всего выступал средством для феодалов установления специфических социальных связей, то есть институтом, скорее политическим, чем интимным. Данный вывод согласуется с мнением Г.К. Гинса, высказанным по итогам сравнительно – правового исследования института семьи кочевников о возникновении многоженства в результате накопления богатства. Только богатые мужчины, собственники огромного количества скота, могли позволить роскошь полигамии, официально разрешаемой всем. Тогда как среди простых людей распространен был моногамный брак [1, с. 4].

Таким образом, основополагающим принципом института брака и семьи в монгольском средневековом обществе по обычному праву была экзогамия. Экзогамия, хозяйственный уклад, основанный на кровнородственных связях, сохранялись как черты родового быта. С ослаблением родовых устоев, с возникновением и развитием отношений публично-правового характера, первостепенное значение рода – традиционной социальной структуры кочевого общества нивелируется, что получает отражение в виде новых норм обычного права.

Список литературы

1. Гинс Г. К. Монгольская государственность и право в их историческом развитии // Вестник китайского права. Харбин, 1931. № 3. С. 21–56.
2. Дугарова С.Ж. Государство и право средневековой Монголии. Проблемы изучения. Улан-Удэ: издательство Бурятского госуниверситета, 2012. 140 с.
3. Марченко М.Н. Источники права. М.: изд-во Проспект, 2007. 760 с.
4. Морган Л.Г. Древнее общество. Л.: издательство института народов Севера ЦИК СССР. 1935. 368 с.
5. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей // т.1. кн. 2 [перевод с персид.] М.-Л.: издательство АН СССР, 1952. 315 с.
6. Рязановский В.А. Монгольское право и сравнительное правоведение // Известия юридического факультета // Т. VII. Харбин: отделение типографии КВЖД, 1929. 16 с.
7. Рязановский В.А. Монгольское право (преимущественно обычное). Харбин: типография Чингарева Н.С., 1932. 351 с.
8. Тумурова А.Т. Происхождение полигамного брака // Вестник Бурятского государственного университета. Улан-Удэ: издательство Бурятского госуниверситета, 2009. С. 90–96.
9. Тумурова А.Т. Обычное право бурят. Улан-Удэ: издательство Бурятского госуниверситета, 2004. 115 с.
10. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Прогресс, 1991. 111 с.
11. Батбаяр Б. «Их цааз»-ын эх бичгийн судалгаа. Улаанбаатар: Монгол улсын шинжлэх ухааны академийн түүхийн хүрээлэн, 2008. 242 х.
12. Минжин Ц. Их засаг. Түүх, эрх зүйн шинжилгээ. Улаанбаатар: Монгол улсын шинжлэх ухааны академийн түүхийн хүрээлэн, 2009. 286 х.
13. Rachewiltz I. The Secret History of the Mongols. A Mongolian epic chronicle of the thirteenth century Translated with a historical and philological commentary by Igor de Rachewiltz Brill's Inner Asian Library Brill, Leiden – Boston. 2004, pp. 1347.
14. Ratchnevsky P. Die Yasa (Jasag) Cinggiskhans und Ihre problematik/ Sprache, Geschichte und Kultur des Alten Orients. Berlin, 1974, pp. 471–487.

15. Heissig W. Die Familien und Kirchengeschichtsschreibung der Mongolen / W. Heissig. T. 1-2. Asiatische Forschungen. Bd. 5. Wiesbaden, 1959, pp. 87–89.

References

1. Gins G. K. Mongol'skaja gosudarstvennost' i pravo v ih istoricheskom razvitii [Mongolian statehood and the right in their historical development]. *Vestnik kitajского prava* [Chinese law Bulletin]. Harbin, 1931. № 3, pp. 21–56.
2. Dugarova S.Zh. *Gosudarstvo i pravo srednevekovoj Mongolii. Problemy izuchenija* [State and Law of medieval Mongolia. Problems of research]. Ulan-Ude: izd-vo Burjatskogo gosuniversiteta, 2012. 140 p.
3. Marchenko M.N. *Istochniki prava* [The sources of law]. Moscow: Prospekt, 2007. 760 p.
4. Morgan L.G. *Drevnee obshhestvo* [Ancient society]. Leningrad: Izd-vo instituta narodov Severa CIK SSSR. 1935. 368 p.
5. Rashid-ad-Din. *Sbornik letopisej* [The book of Chronicles]. Vol. 1. Moscow - Leningrad: AN SSSR, 1952. 315 p.
6. Rjazanovskij V.A. Mongol'skoe pravo i sravnitel'noe pravovedenie [The Mongolian law and comparative jurisprudence]. *Izvestija juridicheskogo fakul'teta*. Vol. VII. Harbin: otdelenie tipografii KVZhD, 1929. 16 p.
7. Rjazanovskij V.A. *Mongol'skoe pravo (preimushhestvenno obychnoe)* [Mongolian law (mostly common)]. Harbin: tipografija Chingareva N.S., 1932. 351 p.
8. Tumurova A.T. Proishozhdenie poligamnogo braka [The origin of a lot of marriage poured]. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ulan-Ude: izd-vo Burjatskogo gosuniversiteta, 2009, pp. 90–96.
9. Tumurova A.T. *Obychnoe pravo burjat* [Common Law of the buryat]. Ulan-Ude: izd-vo Burjatskogo gosuniversiteta, 2004. 116 p.
10. Jengel's F. *Proishozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva* [The origin of the family and private property]. Moscow: Progress, 1991. 111 p.
11. Batbajar B. *«Ih caaz»-yn jeh bichgijn sudalgaa* [Textology of «Ikh tsaaz»]. Ulan-Batar: Mongol ulsyn shinzhljeh uhaany akademijn tyghijn hyrjeljen, 2008. 242 p.

12. Minzhin С. *Ih zasag. Түүх, jerh зүйн шинжилгэе* [Ih zasag legal and historical research]. Ulan-Batar: Mongol ulsyn shinzhljeh uhaany akademijn түүхийн хяргелjen, 2009. 286 p.
13. Rachewiltz I. The Secret History of the Mongols. A Mongolian epic chronicle of the thirteenth century Translated with a historical and philological commentary by Igor de Rachewiltz Brill's Inner Asian Library Brill, Leiden – Boston. 2004, pp. 1347.
14. Ratchnevsky P. Die Yasa (Jasag) Cinggiskhans und Ihre problematic / Sprache, Geschichte und Kultur des Alten Orients. Berlin, 1974, pp. 471–487.
15. Heissig W. Die Familien und Kirchengeschichtsschreibung der Mongolen / W. Heissig. T. 1-2. Asiatische Forschungen. Bd. 5. Wiesbaden, 1959, pp. 87–89.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Дугарова Сержена Жигмытовна, доцент кафедры теории и история права и государства, доктор исторических наук
Бурятский государственный университет
ул. Ранжурова, 8, г. Улан-Удэ, Республика Бурятия, 670000, Российская Федерация
dugarova_s@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Dugarova Serzhena Zhigmitovna, associate professor Theory and history of law and state, Doctor of History
Buryat State University
Ranzhurov St., 8, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, 670000, Russian Federation
dugarova_s@mail.ru